

Глава 8: «Родительский контроль»

Мама позвонила в семь утра.

Я ещё лежала в кровати и смотрела в потолок — не спала уже минут двадцать, просто не хотела вставать. За окном было серое октябрьское небо, в батарее что-то гудело. Обычное утро среды.

— Даша, — сказала мама без предисловий. — Я читала про этот deepfake. Про мальчика из твоей школы.

— Про Стаса? — я села на кровати.

— Не знаю, как его зовут. Я читала в родительском чате. Там сейчас... — она сделала паузу. — Там сейчас много всего.

Родительский чат. Я про него забыла. Пока мы вчера разбирались с видео, собирали доказательства, публиковали опровержение — родители параллельно читали всё то же самое в своих чатах и делали свои выводы.

— Мам, мы разобрались. Артём доказал, что это подделка. Я написала в общий чат объяснение.

— Я знаю. — Голос у неё был ровный, но я слышала под ровностью что-то другое. — Мы с тобой сегодня вечером поговорим. Приходи домой сразу после уроков.

Звонок оборвался.

Я смотрела на телефон. «Сразу после уроков» — это не «как освободишься». Это расписание.

В школе с утра было странно.

Не плохо — просто странно. Как будто воздух изменился. Люди в коридорах говорили тише обычного, несколько раз я ловила взгляды — не злые, скорее оценивающие. После моего поста в общем чате с разбором deepfake кто-то написал «спасибо», кто-то поставил реакцию-огонь, кто-то — ничего. Вика Соколова прошла мимо, не поздоровавшись, что было нормой. Денис из хоккейной команды Стаса кивнул мне в коридоре — первый раз за неделю.

На переменах телефоны у всех были в руках.

— Родители паникуют, — сказала мне Лиза у шкафчиков. Тихо, как обычно. — Бабушка вчера вечером три раза спрашивала, не писал ли мне кто-то незнакомый.

— А тебе писал? — спросила я.

— Нет. Я заблокировала фейкового Мишу сразу после того, как мы поговорили с майором. — Она помолчала. — Бабушка хочет сама проверять мой телефон каждый вечер.

— И ты как?

Лиза пожала плечами — неопределённо, как человек, который ещё не решил.

— Она переживает. Я понимаю.

Это звучало примирительно, но я слышала под этим что-то ещё. Что-то похожее на усталость.

Мария Сергеевна поймала меня после третьего урока — буквально остановила в дверях кабинета истории.

— Козлова, у тебя есть пять минут?

Кабинет психолога был маленьким и тёплым — цветы на подоконнике, мягкий свет, на стене какой-то постер с горами. Я сто раз проходила мимо и ни разу не заходила.

— Садись. — Она кивнула на кресло напротив стола. Не на стул — на кресло. Маленькая деталь, но приятная.

— Это про вчера? — спросила я.

— Отчасти. — Мария Сергеевна сложила руки на столе. — Я видела твой пост. Грамотно, честно. Ты молодец, что объяснила технически, а не просто написала «это неправда».

— Нас Артём научил.

— Я знаю. — Она чуть улыбнулась. — Я хотела спросить про другое. Как ты сама?

Вопрос застал меня врасплох. Обычно спрашивают «как дела» — и ждут «нормально». «Как ты сама» — другое.

— Устала немного, — призналась я. — У мамы сегодня разговор запланирован. Она читала родительский чат.

— Понятно. — Мария Сергеевна кивнула. — Там сейчас горячо.

— Что они пишут?

Она помолчала секунду — взвешивала, видимо, сколько говорить.

— Разное. Кто-то предлагает запретить телефоны в школе совсем. Кто-то — установить программы слежения на все устройства детей. Кто-то считает, что нужно просто «больше разговаривать с детьми», — она сделала лёгкое ударение на этих словах, — но не очень понимает, как это делать.

— Мама — IT-специалист, — сказала я. — Она не будет паниковать. Но она может... перестраховаться.

— Это нормальная реакция для родителя.

— Я знаю. Просто...

Я остановилась. «Просто» — что? Просто не хочу, чтобы она забрала телефон? Просто расследование сейчас на важном этапе? Просто мне уже четырнадцать лет и я сама могу разобраться?

Всё это было правдой. И всё это звучало бы эгоистично вслух.

— Просто хочется, чтобы она спросила, — сказала я наконец. — Прежде чем решать.

Мария Сергеевна смотрела на меня ровно, без осуждения.

— Как ты думаешь, почему родители иногда не спрашивают?

— Потому что боятся, что мы скажем «нет»?

— Отчасти. И ещё потому что когда страшно — хочется действовать быстро. Контроль даёт ощущение безопасности. Даже если реальной безопасности не прибавляет.

Я думала об этом.

— А программы слежки — они вообще помогают?

— Смотря от чего. — Мария Сергеевна откинулась на спинку кресла. — От случайного фишинга — не очень. Видеть, на какие сайты ходит ребёнок, и видеть, что происходит в его голове — разные вещи. Иногда слежка даёт родителю успокоение, но не даёт ребёнку безопасности. — Пауза. — А что даёт?

— Разговор? — сказала я неуверенно. — Но это звучит как... банально.

— Звучит банально. Работает небанально. — Она улыбнулась. — Есть разница между «я проверяю твой телефон» и «мы договорились, что ты можешь мне рассказать, если что-то пойдёт не так». Первое — контроль. Второе — договор.

Договор. Я запомнила это слово.

— Вы будете говорить с родителями? — спросила я.

— На следующей неделе собрание. Я попрошу директора добавить меня в повестку. — Она посмотрела на часы. — Тебе пора на урок.

Я встала. У двери обернулась.

— Мария Сергеевна. А если мама всё-таки заберёт телефон — это конец расследования?

Она подняла взгляд.

— Это повод поговорить с ней честно о том, что ты делаешь и зачем. — Пауза. — Ты пробовала?

Я не пробовала.

Дома мама уже была — редкость для будних дней. Она работала из дома в особых случаях, и то, что она приехала раньше обычного, говорило само за себя.

На столе стоял чай — два стакана. Она налила заранее.

— Садись.

Я села. Взяла стакан. Чай был горячий, чуть горьковатый — мама всегда заваривала крепко.

— Я читала, что происходит в школе, — начала она. — Не только в родительском чате. Я нашла твой пост про deerfake. Технически грамотно.

— Это Артём, в основном.

— Ты опубликовала. — Она смотрела на меня. — Даша, я хочу понять — ты мне всё рассказываешь? Про то, что происходит?

Честный вопрос. Заслуживал честного ответа.

— Не всё, — сказала я.

Мама не удивилась. Только кивнула — медленно.

— Почему?

— Потому что боялась, что ты заберёшь телефон и запретишь расследовать.

— Расследовать. — Она произнесла это слово без интонации — не насмешливо, просто повторила.

— Мы пытаемся понять, кто за всем этим стоит. Я, Артём, Лиза, Стас. Майор Островский знает — мы работаем вместе с ним.

Это была важная часть. Я видела, как что-то изменилось в её лице, когда я сказала про майора.

— Полиция в курсе?

— Да. С прошлой недели.

Она помолчала. Взяла свой стакан, поставила обратно.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Это правильно. — Пауза. — Мне всё равно нужно понимать, что происходит. Не контролировать каждый шаг — понимать. Разница есть?

— Есть, — сказала я.

— Тогда вот что я предлагаю. — Она достала из кармана телефон и положила на стол между нами. — Я нашла приложение родительского контроля. Хотела установить без разговора — но потом подумала, что это нечестно.

Я смотрела на телефон.

— Какое приложение?

— «Семейный экран». Популярное, много отзывов.

— Покажи.

Она протянула телефон без удивления — мама привыкла, что я интересуюсь техническими деталями.

Я открыла страницу приложения. Рейтинг четыре и восемь. Сто тысяч скачиваний. Отзывы в основном положительные — «удобно», «помогает», «рекомендую». Я сразу перешла на вкладку разрешений.

— Микрофон, камера, чтение сообщений, постоянная геолокация, — прочитала я вслух.
— Мам, зачем приложению для контроля экранного времени нужен микрофон?

Мама взяла телефон. Посмотрела сама — внимательно, как смотрят на рабочий документ.

— Я видела эти разрешения, — сказала она медленно. — Но не остановилась на них. Приложение популярное, отзывы хорошие — включила автопилот.

— Артём говорил, что некоторые приложения «родительского контроля» — это на самом деле spyware. Собирают данные не только о ребёнке, но и обо всех в доме. Продают рекламщикам. Или хуже.

— Знаю, что такое spyware, — сказала мама суховато. Потом помолчала. — Именно поэтому мне стыдно, что не проверила нормально. Ты права.

— А я не знала до этой недели. — Я отпила чай. — Мам, я понимаю, зачем ты хотела это установить. Правда. Но можно мы сначала поговорим — что тебя конкретно беспокоит? Не вообще, а конкретно. И я скажу, как мы это закроем по-другому.

Мама посмотрела на меня. Долго — так смотрят, когда видят что-то неожиданное в знакомом человеке.

— Ты выросла, — сказала она.

— Мам.

— Нет, я серьёзно. — Она отложила телефон в сторону. — Хорошо. Меня беспокоит, что ты не говоришь мне, когда что-то идёт не так. Что я узнаю про deepfake из родительского чата, а не от тебя.

— Это честно, — сказала я. — Я должна была рассказать раньше. Про бота — ещё в первую неделю.

— Почему не рассказала?

— Боялась, что ты заберёшь телефон и я не смогу помогать ребятам.

Мама помолчала.

— Я бы не забрала телефон, — сказала она. — Я бы испугалась и, наверное, предложила что-то глупое. Но потом бы успокоилась.

— Я не знала.

— Теперь знаешь.

Мы сидели в тишине. За окном уже темнело — октябрь, в пять вечера почти ночь.

— Мария Сергеевна говорила про договор, — сказала я. — Не правила, а договор. Где обе стороны что-то обещают.

— Это разумно. — Мама взяла ручку с подставки — привычка, она всегда думала с ручкой в руках. — Что ты готова обещать?

— Рассказывать тебе, если что-то серьёзное. Не мелочи — серьёзное. — Я подумала. — И не скрывать, если кто-то пишет что-то странное.

— А я обещаю не читать переписку без причины. И не забирать телефон как первую реакцию. — Она помолчала. — И спрашивать, прежде чем решать.

Это было непохоже на наши обычные разговоры. Обычно она говорила, я слушала, мы расходились — каждый при своём. Сейчас было по-другому.

— Напишем? — спросила я.

— Что написать?

— Договор. На бумаге. Мария Сергеевна говорила, что так лучше работает.

Мама посмотрела на меня с лёгким удивлением. Потом усмехнулась — не насмешливо, тепло.

— Хорошо. Давай напишем.

В половину девятого вечера я лежала на кровати с телефоном и перечитывала наш договор. Листок бумаги, четыре пункта с каждой стороны, две подписи. Смешно, наверное. Или нет.

Телефон завибрировал.

Сообщение в Telegram. Незнакомый номер — аккаунт без фото, без имени, создан сегодня.

Я открыла.

Приятный разговор у вас получился. "Рассказывать тебе, если что-то серьёзное." Умница. А про то, что вы нашли бэкдор в школьной сети — маме тоже расскажешь?»

Я смотрела на экран.

Бэкдор. Артём написал мне об этом вчера ночью — коротко, без предисловий: «Нашёл кое-что в школьной сети. Бэкдор. Это как замок на двери, у которого есть второй ключ — тайный, о котором хозяин не знает. Кто-то вошёл в школьную систему и оставил себе этот ключ. Может заходить когда хочет, смотреть что хочет».

Я ответила «окей, завтра» и легла спать.

Утром я хотела спросить, но Артём с утра ходил с телефоном и почти не разговаривал — у него такое лицо бывает, когда он ещё не готов объяснять. Я решила подождать.

Никто, кроме нас двоих, этого не знал.

«Тебе нравится твой новый договор с мамой? Бумага такая хрустящая.»

Я смотрела на сообщение. Потом — на телефон в своей руке.

Разговор с мамой был на кухне. Телефон лежал на столе между нами всё время. Я ни разу не взяла его в руки — мы говорили, пили чай, писали договор на бумаге.

Но телефон был рядом. С микрофоном. С приложениями, у которых есть доступ к микрофону. И если одно из них работало в фоне — всё время, пока мы говорили — то кто-то слышал каждое слово.

«Бумага такая хрустящая».

Я вспомнила, как мама расправила листок перед тем, как подписать. Тихий сухой звук. Совсем рядом с телефоном.

Он слышал это.

Руки стали холодными. Я положила телефон на кровать — подальше от себя, как будто это могло что-то изменить. Потом взяла обратно. Потом снова положила.

Он был здесь. Не в школе — за нашим столом.

Пока мы договаривались о доверии — он слушал.